

Георгий Игнатов

Рассказы

Георгий Игнатов. Родился в 1984 году. Окончил ГУАП. В литературных изданиях ранее не печатался.

Психологи — хорошие люди!

У Сережи в кровати завелась женщина. Он сперва убеждал себя, что ничего страшного, что женщина сама рассосется. Однако женщина не проходила. Более того, женщина начала распространяться. Она быстро распространилась по всей комнате, заполнила собой кухню и ванную. Даже вторую комнату не удалось спасти, сколько бы Сережа в ней ни прятался и ни окуривал ее. Ни кошка, ни собака, специально пойманные и принесенные домой, не изгнали женщину. Сереже становилось все хуже и хуже. Теперь, после смены, ему приходилось убирать за кошкой и выгуливать собаку.

Сережа решился рассказать все отцу. Он поговорил с ним как мужчина с мужчиной, и отец ответил, что дело плохо. Что это уже не просто женщина — это жена. Надо было раньше начинать ее выводить. Теперь простыми средствами тут не поможешь.

На его просьбу вывести жену отказом ответили в СЭС и ЖЭКе. В специальном журнале для холостяков Сережа прочитал совет, что жену можно вытравить носками. Однако, сколько Сережа не разбрасывал по квартире носки, жена не вытравливалась. Вытравились сами носки, вся грязная одежда, да и вообще вся грязь, к которой Сережа так привык и без которой всегда быстро впадал в депрессию.

У Сережи началась аллергия. Раньше он любил девушек. Сейчас, после каждого, даже случайно брошенного взгляда, у него вспухало лицо, трескалась губа, появлялись рубцы на щеке. Девушки стали шараться от Сережи, узнав, что у Сережи женщина. Они решили, что это заразно, а им не хочется иметь поврежденное лицо и проплешины в волосах.

Друзья посоветовали лечиться водкой. Якобы Вася именно так жену и вывел. Однако, если раньше у Сережи голова болела только по утрам, то теперь начинало ломить все тело при попытке осушить хотя бы пару стопок. Промежуток, наполненный радостью, ранее составлявший семь-двенадцать часов между первой стопкой и похмельем, стал бесконечно мал.

Сереза заметил, что жена — очень едкое явление. Она разъедала самые нужные вещи. Она их буквально растворяла. Первым делом растворились все свободные деньги. Затем растворились друзья, а потом растворилось Время...

Сереза не спал всю ночь. Он всегда боялся боли, острых орудий, крови; ему неприятно было думать, что люди в специальной форме будут задавать ему бесцеремонные вопросы... Но он решился. Он подошел к спящей жене. Он долго смотрел на нее и дрожал. Потом выскочил из дома и побежал в больницу.

Он долго мялся в кабинете врача.

— Доктор, у меня это... Ну, Вы как мужчина должны меня... Это очень стыдно и интимно... Нет, я не могу так! Пусть медсестра выйдет.

Как ни ругался врач, как ни уговаривала медсестра, ничего они от него не добились. Медсестра вышла, и Сереза обо всем рассказал. Врач помрачнел.

— Откровенно говоря, я тоже запустил это дело. Сперва я обнаружил у себя женщину. Думал, так пройдет, но она быстро прогрессировала в жену и приобрела хроническую форму...

Они обнялись и проплакали пятнадцать минут. Врач прописал ему здоровый образ жизни, больше проводить время на работе. Сереза стал заниматься спортом и продвигаться по службе. Сначала ему это нравилось, однако он стал замечать, что жена размножается. Приходилось все больше и больше работать.

Однажды по телевизору показали психолога и сказали, что он занимается женой. На следующий день Сереза побежал к психологу и сказал, что у него жена. А психолог сказал Серезе, что на самом деле не все так плохо. На самом деле это не у него жена, это он у жены.

Утром Сереза проснулся, обрадовался миру и подумал: «Пусть мучается!» — с широкой улыбкой на устах. Вот такие хорошие люди — психологи.

Шаверма

Шаверма забралась в Серезин желудок и начала жить собственной жизнью. Серезе хотелось пойти в Эрмитаж, посмотреть на последнюю выставку, — шаверма хотела посмотреть на унитазы. Серезе хотелось погулять по набережной, но шаверма далеко от Макдоналдса и прочих общественных туалетов не желала отходить. Сереза хотел познакомиться с девушкой, но шаверма, взревновав, покрасила его лицо в зеленый и потащила в кусты.

Жизнь ничему не научила Серезу. Через неделю он познакомился с шавермой не на Невском, а на Витебском вокзале. Знакомство решено

было обмыть, однако, когда оно обмывалось, шаверма вступила в реакцию с пивом.

На уроках химии мы изучаем абстрактные вещи. Одни химические вещества вступают в реакцию с другими, причем ни первые, ни вторые в реальной жизни нам могут и не повстречаться. Никто почему-то никогда не смешивал на уроках химии пиво с шавермой. А зря.

Поезд с Витебского вокзала уносил Сережу в неведомую даль. Он давным-давно проехал свою остановку, так как находился без сознания. Дважды контролеры взымали с него штраф, вытаскивая торчащую сдачу от шавермы из кармана нашего экстремала. Бомж Степа за проезд взял с Сережи ботинки, гопник Чалый — плеер и оставшиеся деньги, а шаверма, скрестившись с пивом, вывела в желудке Сережи страшное существо — пиверму. Пиверма изымала у Сережи душу. Она росла в нем, пускала корни и расцветала. Она отвоевывала у Сережи весь организм...

Но жадность никого до добра не доводила, и вообще — все сказки должны заканчиваться хорошо. Сережу вырвало, и он очнулся. Он уже идет обратно по железной дороге босиком, пока вы читаете этот рассказ.

Падал снег

— Сволочи! Боже, пожалуйста, помогите! Вы все ответите! Ты и ты! Умоляю вас!..

Рыдая, падая и вставая, она мешала проклятия с мольбой, растирая грязь и кровь по дорогущей шубке, а главврач, посмотрев на настенные часы, кивнула санитару. Тот схватил женщину и вытолкал ее на улицу.

...Совсем не хочется представлять, что чувствует мать, видя, как уносят на носилках ее окровавленную дочь. Мимо аккуратно проезжали машины, кто-то снимал видео, спокойно переводя камеру с окровавленной девочки на разбитую машину, с ее матери на труп водителя, а кто-то спокойно говорил по телефону. Это так странно. И снег продолжал падать, словно так и надо.

Спасатели, приехавшие через сорок пять минут после вызова, спотыкаясь об ошметки автомобилей, несли шестилетнюю Ангелину к старой машине «Скорой помощи». Бледная ручонка безвольно свисла при очередной встрече; Вероника Николаевна, молившаяся впервые в жизни о спасении дочери, дернулась было к носилкам поправить эту руку, но упала в обморок.

— Ты снял? Ты снял это? — послышалось со стороны зевак.

— А, притворяется! Натворила дел, теперь строит из себя.

— Ребят, не топчите, — буркнул старый тощий полицейский. Он равнодушно что-то записывал, поеживаясь и мечтая об обеде.

Течение жизни всегда несется только вперед. Возвращаться по своим следам никак не получается: почему-то течение сразу меняется, тебя начи-

нает кружить, и ты только зря тратишь силы. А вот сделать пару шажков по чужим следам иногда можно. И я делаю эти два шага по следам Вероники Николаевны — на два часа назад.

— Владислав, а давайте еще медленнее? Ведь так веселее! Ползешь себе спокойно так за трактором, гнилыми домами любишься. Вон — дом съезжился, на крыше козы пасутся, красота! Ты, главное, не торопись.

— Вероника Николаевна, я и так...

— Нет-нет, я все понимаю! Куда торопиться в пятницу? Сейчас все эти запорожцы проснутся и потянутся на дачи, а мы с ними — лепота! Любишь выделяться?

— Простите, но...

— Так, все. Я сама сяду за руль. Зачем мне водитель, у которого в ноженьках силенков нет, чтобы педальку надавить нормально? Сдается мне, я тебя уволю. Вылезай, садись справа.

Но Владислава никто не уволит: удар о бетономешалку был именно справа, смерть наступила ему на горло через сорок пять минут; машина спасателей заглохла на железнодорожном переезде, в итоге успев застать лишь его агонию.

Теперь Вероника Николаевна, отделавшаяся только ушибами и рассечением брови, стояла у закрытой двери центрального входа больницы, больше напоминавшей огромный сарай, идущий под снос. Впервые в жизни столкнувшись с настоящим горем, она осознала и степень человеческого равнодушия. На стыке двух областей, в этой поселковой глуши, ее телефон едва ловил сигнал:

— Але, Николай Викторович, мне срочно нужна Ваша помощь! Николай Викторович! Але? Николай Викт... Ай, бл! Господи!

Так и мешала она мат с поминанием Всевышнего, пока бесполезная трубка вдруг не села.

Вероника Николаевна подергала ручку двери центрального входа. Не поддается. Она побежала вокруг здания. Грязные сугробы и стремительнодвигающийся вечер заставляли ее вязнуть, спотыкаться, падать. Сбоку здания был вход в приемный покой.

Дверь поддавалась. Темный коридор, скрипучий пол, заклеенные скотчем трещины окон, увядшие цветы, свет в закутке... Дежурная анорексичка дремала, положив голову на скрещенные на столе руки. Подойти к ней тихо не удалось: доски под дырявым линолеумом не признавали тишину.

— Что вам нужно? — вздрогнув, спросила дежурная.

— Моя Ангелина у вас, — уставшим от рыданий и страха голосом ответила Вероника Николаевна.

— А, эта, из машины, — тоже уставшим голосом ответила дежурная.

— Скажите, пожалуйста, что с ней? Как она?

— В реанимации. Уходите, что вы тут ходите?

— Но моя Ангелина...

— Она из-за вас тут. Вы что — врач? Что вам тут делать?

— Скажите, она выживет?

— Откуда я знаю? Крови в больнице нет, может, и не выживет.

Вероника Николаевна осела на пол. Она больше не могла плакать: слезы изредка выскальзывали из глаз, а сама она покачивалась на полу, что-то бормоча.

— Она опять тут, — сказал санитар, бредущий по коридору. Рядом брела главврач. Еще советская лампа дневного света часто моргала, отчего казалось, что эти двое двигаются в темном коридоре какими-то мультипликационными рывками.

— Вас опять вышвырнуть?

— Подождите, прошу вас... Скажите — моя дочь будет жить?

— Да откуда мы знаем? Она в реанимации. Точнее, там, где была реанимация — оборудование уже увезли.

— Как? Куда?

— Что «какуда?», — передразнила главврач, — сами же больницу решили закрыть.

— А как ее в другую отвезти? Или что можно сделать?

— Не знаю. У вас есть вертолет? Или по поселку пробегитесь, кровь в бидончик соберите с населения. Вы же умеете с населения собирать — вот и бегите! Только помешивайте.

— Дайте мне позвонить, пожалуйста. Можно? — она кивнула на телефон.

— Это по больнице. Городских телефонов тут нет.

— А как же вы...

— А никак! — взорвалась главврач, — это не мы «сволочи», это ты и такие, как ты! В этом поселке больше нет больницы! Мы с первого числа закрываемся! А ты помнишь, как я к тебе на поклон ходила? Помнишь, что ты мне ответила? Моя мать умерла из-за тебя, тварь! Сережа, вышвырни ее, пока я ей в глотку не вцепилась!

Старый тощий полицейский уже хромал к больнице, когда Веронику Николаевну швырнули в грязный снег.

— Я вас везде ищу. Кто позволил уйти с места ДТП?

Они заковыляли в сторону деревянного дома, в котором мерзли сотрудники полиции, а главврач схватилась за плечо своего мужа Сергея: у нее опять закружилась голова. Она, как и почти все работники больницы, сегодня щедро поделилась своей кровью с Ангелиной, которая будет жить.